

РУССКИЙ ПРАЗДНИК

В ЗАЛАХ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР
ОТКРЫТА ВЫСТАВКА РАБОТ Б. М. КУСТОДИЕВА

Выставка произведений Бориса Михайловича Кустодиева юбилейная, поскольку устроена по случаю недавно отмеченной 100-летней годовщины со дня рождения художника, и, хочется отметить, очередная, поскольку залы Академии художеств не впервые распахивают двери для показа его произведений. Бесспорно, это событие в художественной жизни — праздник! Затруднительно назвать другого русского художника, о чьей выставке это слово можно было бы употребить столь же безоговорочно и точно в самом прямом смысле. Праздничен мир Кустодиева — его зимние и летние гулянья с тройками, каруселями, балаганами, его знаменитые ярмарки, масленицы, чаепития. Праздничны его персонажи в разноцветье шалей, ситцев, шелков. Празднична предметная среда и в уличных, и интерьерных сценах — синие и золотые маковки церквей, весело раскрашенные домики, цветастые чайники, подносы, сундуки. Празднична его природа — веселая, пышная в любое время года. Но праздничность картин Кустодиева отнюдь не в перечислении отрадного, суть ее иная и связана она с самой основой жизненной и творческой концепции художника.

Вот шпили разноцветных колоколен, заснеженные купола в малиново-лимонно-золотом лазорево-зеленом небе, наряд-

ные упряжки лошадей с расписными дугами, санями, ныряющие в сугробах-волнах сине-розового снега, словно корабли. Садко, — «Масленица». Этим красочным многоголосьем художник выражает и звуковое многоголосие жизни — взлетели птицы над колокольней, значит, звонят в колокола, в лад бегу лошадей звенят бубенцы упряжек, а крики кучеров на козлах — езда лихая, на обгон — мешаются со смехом седоков, доносятся и возгла-

сы играющих в снежки детей, и песенка гармошек, и гул толпы у балаганов... Стихия праздника — стихия не буйной силы, а радости, свободы, красоты и гармонического бытия людей в общении друг с другом и с природой. Это то же мироощущение, которое присуще русскому фольклору — сказкам, песням. Им проникнуто все творчество Кустодиева, именно оно определило его цельность, жизненность и притягательную силу.

Стиль художника сложился в годы после первой русской революции, годы разочарования и самых пессимистических настроений в среде интеллигенции. Мощный оптимизм и национальный дух его искусства торжествовали над «накипью» тех трудных лет. Быть может, не все поняли тогда его значение, воспринимая полотна мастера как стилизованные картины русского быта. Были периоды и после Октября, когда могло казаться, что

его произведения представляют интерес скорее этнографический и исторический. Это миновало.

С каждой новой выставкой Кустодиева все ближе и, можно сказать, роднее нам. Значение его в советской художественной культуре становится все большим. Проблематика его творчества представляется все более значительной и многогранной. «Богатырем живописи» назвал Кустодиева И. Е. Репин. «Большой русский художник — и с русской душой», — сказал о нем М. В. Нестеров. В известном письме к своему учителю, астраханскому художнику П. А. Власову Кустодиев так писал о себе: «...Любовь к нашему искусству и фанатическое отношение к труду — без того и другого я не мыслю себе никогда принадлежности к почетной корпорации людей искусства. Не знаю, удалось ли мне сделать и выразить в моих вещах то, что я хотел, — любовь к жизни, радость и бодрость, любовь к своему «русскому» — это было всегда единственным сюжетом моих картин...»

Может быть, слишком недавно он жил, и только поэтому мы еще не сказали, что это большой человек и художник на многие времена.

Т. САВИЦКАЯ.

● Б. КУСТОДИЕВ. «Праздник в деревне. 1907».